

Министерство образования Российской Федерации

Орехово-Зуевский государственный педагогический институт

ТРУДЫ

МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

(сборник материалов и докладов
научной конференции)

Орехово-Зуево
2000

ББК72
Т78

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Орехово-Зуевского государственного педагогического института

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доктор фил. наук, проф. М.И.ЗАДОРОВНИЙ; канд. филол. наук,
проф. В.В. КРАСНЯНСКИЙ; канд. филол. наук, доцент
И.Ю.СИМАЧЕВА; доктор биол. наук, профессор КОЛОНЦОВ А.А.

Труды молодых ученых. Сборник материалов и докладов.
Орехово-Зуево, 2000. – 94с.

Сборник «Труды молодых ученых» содержит материалы докладов студентов, аспирантов и соискателей участников ежегодной научно-практической конференции «День науки», проводившейся в Орехово-Зуевском педагогическом институте в 2000 году. В сборник вошли материалы докладов по широкому кругу проблем современного научного звания.

© Орехово-Зуевский педагогический институт, 2000

с греческого языка: *тайнопись (криптография)*, одна калька с полинезийского языка: *запрет (табу)*, 3 % - кальки с французского языка: *арго (argot)*.

К.В. Булавкин,
аспирант кафедры литературы

"РАЗОРВАННЫЙ" ЦИКЛ "МУЧИТЕЛЬНЫХ СОНЕТОВ" И. АННЕНСКОГО

Каждый, кто внимательно перечитывал книги стихов И. Анненского, сталкивался с рядом довольно странных особенностей их композиции. Речь, в частности, идет о разбросанных по тексту двух главных книг поэта нескольких сонетах, которые названы автором "мучительными" и снабжены нумерацией. Однако на деле нумерация эта кажется фиктивной, и у читателя создается впечатление какой-то досадной путаницы. Так, в "Тихих песнях" /первой поэтической книге Анненского/ сначала мы встречаем "Второй мучительный сонет", а затем, через несколько страниц обнаруживаем "Третий мучительный сонет", причем "Первый" сонет в книге как бы отсутствует. В "Кипарисовом ларце" /вторая книга стихов Анненского/ в одном из "Трилистников" появляется просто "Мучительный сонет", и наконец, в разделе "Разметанных листов" - еще один "Второй мучительный сонет".

Как известно, Анненский очень внимательно относился к структуре своих книг, и едва ли его можно заподозрить в забывчивости или небрежности. Очевидно, что перед нами один из тонких поэтических ребусов, которыми насыщена лирика Анненского, и название, снабженное псевдонумерацией, является своеобразной подсказкой читателю, указывает на определенную связь между этими

стихотворениями. Попробуем установить смысл и характер этой связи.

Для этого заглянем в "Тихие песни" и попытаемся найти исчезнувший "Первый" сонет. Автор снова дает нам подсказку:

"Третий мучительный сонет" имеет подзаголовок "Строфы", который отсылает нас к стихотворению "Ненужные строфы" /"Сонет"/. По своему содержанию и образному строю эти два сонета явно перекликаются, являясь инвариантами, двойниками" Так, в "Ненужных строфах" говорится о неудавшихся, "нерожденных" стихах, которые сравниваются с "чахлой листвой, пестримой увяданьем" и сжигаются в огне камня по воле их создателя:

...Без лиц и без речей разыгранная драма:

Огонь под розами мучительно храним,

И светозарный бог из черной ниши храма...

Он улыбается, он руки тянет к ним.

И дети бледные Сомненья и Тревоги

Идут к нему приять пурпуровые тоги. В "Третьем мучительном сонете" "чахлая листва" превращена в "груды листов" /на связь семантики слов "листы" - "листья" в поэтике Анненского уже не раз указывали исследователи/, снова упоминается огонь /"Они - минуты праздного томленья, Перегоревшие на медленном огне..." / и, наконец, стихи вновь названы "детьми", на этот раз "больными":

Но я люблю стихи - и чувства нет святей:

Так любит только мать, и лишь больных детей. Таким образом, оба стихотворения посвящены одной теме - теме мучительной невозможности творчества, невозможности воплотить в словах открывшуюся на миг гармонию /"без плана, вспышками идущее сцепленья"/. И результатом этого мучительного процесса являются лишь "больные", несовершенные творенья. Получается, что "Ненужные строфы", в контексте книги предшествующие "Второму" и "Третьему"

"мучительным сонетам" и являются тем недостающим первым звеном этой цепи.

Теперь обратимся ко "Второму мучительному сонету""Тихих песен". На первый взгляд, он логически не связан с "Ненужными строфами" и "Третьим" сонетом, однако внутренняя перекличка между ними все же имеется. Здесь тоже присутствует образ "листов", но теперь это "лилеи нежные листы", и также возникает мотив обещанной, но так и не обретенной красоты. Лилия для Анненского является символом той хрупкой, недостижимой гармонии, которая, едва возникнув, уже обречена на увядание и распад. Связь цветов со стихами здесь очевидна и восходит к бодлеровским "Цветам зла" /или, в другом переводе "Цветам болезни", "болезненным цветам", как называл их сам Бодлер/:

Не мастер Тира иль Багдата,
Лишь девы нежные персты
Сумели вырезать когда-то
Лилеи нежные листы, -
С тех пор в отраве аромата
Живут, таинственно слиты,
Обетованье и утрата
Неразделенной красоты...

Итак, обещанная гармония оказывается утраченной, красота - неразделенной, мгновенья - "незаполнимыми" любовью /"...Живут любовью без забвенья Незаполнимые мгновенья..."/. Отсюда - мотив неизбежной разлуки в конце стихотворения: "...Всю ночь потом уста лилеи Там дышат ладаном разлуки."

От "Второго мучительного сонета" "Тихих песен" тянутся нити к "Мучительным сонетам" "Кипарисового ларца", которые также связаны между собой, во-первых, темой неосуществленной мечты, а во-вторых,

своим образным строем. В обоих стихотворениях присутствуют образы снежного ненастья, запотевшего, холодного стекла и, наконец, мотив близости с любимой женщиной - близости мучительно невозможной /Ужас краденого счастья Губ холодных мед и яд..."/. Трагическая невозможность слияния, тема запретной, несвершившейся любви проходит сквозь всю любовную лирику Анненского, и она вполне объяснима печальными обстоятельствами жизни самого поэта, известными нам сегодня². Эта коллизия несовершенного слиянья созвучна коллизии "Мучительных сонетов" "Тихих песен" - невозможности воплощения "музыки мечты" в слове, в действительности:

Мне надо дымных туч с померушей высоты,
Круженья дымных туч, в которых нет былого,
Полузакрытых глаз и музыки мечты,
И музыки мечты, еще не знавшей слова...

И финальные строки этого стихотворения явно созвучны финалу "Ненужных строф":

О, дай мне только миг, но в жизни, не во сне,
Чтоб мог я стать огнем или сгореть в огне!

Автор и его творение отождествляются, текст и создатель текста обречены на одну и ту же муку, и огонь здесь - метафора как недостижимой поэтической гармонии, так и яркого, не подавленного чувства, подлинной жизни. Мотив этот, несомненно, еще тюгчевский:

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает,
И огонь, сокрытый и глухой,
Слова и строки пожирает,
Так грустно глится жизнь моя...

/1830/

Однако Анненский еще более усиливает трагизм Тютчева, делая мотив сжигающей муки одним из основных мотивов своего творчества.

Таким образом, мы установили, что в нумерации "Мучительных сонетов" есть своя четкая логика, и два "Вторых" сонета вовсе не ошибка, а именно верное для контекста каждой из книг обозначение. Несмотря на это, "мучительные сонеты" "Тихих песен" и "Кипарисового ларца" оказываются звеньями одной цепи и связаны общим лейтмотивом всей лирики поэта мотивом невозможности слияния мечты и реальности, невозможности, рождающей муку /вспомним эпиграф к "Тихим песням"/. Возникает последний вопрос: почему же цикл разорван? Почему все эти сонеты расположены по раздельности? Исходя из сказанного, вероятный ответ таков: тема "муки", мучительного "невозможно" /этим словом названо даже одно из стихотворений "Кипарисового ларца"/ - сквозная тема поэзии Анненского, и данные стихотворения, подобно своеобразным ориентирам, вновь и вновь приводят читателя к постижению замысла автора, служат теми опорами, на которых строится каркас книги стихов -особой поэтической формы, где отдельные стихотворения, сцепляясь друг с другом, создают единый, неразрывный контекст.

Примечания

1. См. Гитин В.Е. "Интенсивный метод" в поэзии Анненского /поэтика вариантов: два "пушкинских" стихотворения в "Тихих песнях"/. //Русская литература, 1997, Р 4. С.34-53.

2. См. письмо О.П. Хмара-Барщевской в книге Федоров А.В. Иннокентий Анненский: Личность и творчество. Л., 1984. С.66.